31 марта – 1 апреля 1912 г.

Только что во втором номере «Русской мысли» прочел статью бывшего марксиста, а теперь мистика и церковника Н. Бердяева. Она называется «Национализм и антисемитизм». Автор принадлежит к кругу тех либеральных писателей, которые связали свое имя и деятельность с движением наиболее передовой части нашей крупной торгово-промышленной буржуазии к самоопределению. Это явление принадлежит, несомненно, к числу замечательных фактов и людей, сочувствующих каждому шагу России на пути все большей европеизации, может лишь обрадовать. Приходится, однако, признать, что шум, поднятый писателями этого лагеря вокруг некоторых вопросов, не соответствовал уровню классового самосознания и силе поступательного движения, достигнутым торгово-промышленной буржуазией. Новые течения среди последней сказались в писаниях их чутких и воинственных «идеологов», но большая часть заряда этих «идеологов» была все-таки расстреляна к сугубому удовольствию реакционеров-крепостников и без всякой пользы для обслуживаемого ими класса, перед которым излишняя торопливость и слепая ненависть к своему «вчера» помогали им развернуть идею раскрепощения русского общества. [Вставка между строк:] С неестественной поспешностью они рвали связи прикреплявшие их к общеинр… агенреной пуповине: с задором и упоением чернили у нетх страницы русской общественности, вознесшей их на своем гребне, и уже без всякого чувства ответственности выдвигали вперед и грубо подчеркивали те реакционные элементы своего мировоззрения, которые завтра уже станут необходимыми для увенчания здания, но которым сегодня еще нет реальных поводов в русских отношениях. Таким образом, взятая этими господами идейная работа, с определенной точки зрения полезная, была выполнена неблестяще.

Н. Бердяев из числа тех, кто берется за перо почти исключительно в защиту определенных религиозных принципов. Несмотря, однако, на деликатность и тонкость отмежеванной себе области, определенная политическая и социальная тенденция слишком грубо выпячивается наружу и его статья (а я сейчас исключительно о ней говорю), несмотря на бесспорную своеобразность мысли, не производит того впечатления, какого ожидает от нее сам автор. Скорее напротив. Зависит ли от свойств самого автора, который не может настолько скрываться в «небо небес», чтобы не видеть оплеванной им земли и не слышать земных голосов, им ненавидимых; или здесь играют существенное значение интересы, мировоззрение и положение того класса, который прямо или косвенно вдохновляет нашего церковника – сейчас я не берусь решить этот интересный вопрос. Я лично считаю, что глумление над верующим человеком, хотя бы он носил высокие воротнички и писал на прекрасном, литературном языке недостойно и отвратительно. Вера относится к той области интимных переживаний, к которым следует при всяких условиях относиться бережно, кто бы ни был носитель ее. Это ее неписанное право. В свою очередь она предъявляет тяжелые требования к человеку, обладающему ею. Человек, проникнутый верой, и только ею, если нападает, то обрушивается яростью, пылающим огнем, сжигающим на пути всех, кто «пленен землей», не разбирая, кого покарает «божий суд», и к каким последствиям приведет он себя, свою идею и людей, связанных с ним общностью некоторых верований. Что бы там ни говорили, но здоровая вера от прикосновения «неба» становится слепой. Любовь и гнев проникают друг друга.

Нужно также признать, что человек с помощью религии научается смотреть глубже и шире на мир, как бы ни смотреть на последние и настоящие корни религии. В особенности это относится к глубоко и искренне верующему человеку. В нем вселяется такое ощущение, что он поднят на большую высоту, и что он получил новые слух и зрение, простирающиеся дальше тех пределов, которые заграждают нормальное

мироощущение неверующего. Итак, два свойства отличают истинно верующего человека: 1) слепая вера, подобно «огню палящему»; 2) отсутствие связи, по крайней мере ощутимой, с миром видимым и слышимым и какой-то новый горизонт (иногда как плод больной фантазии) открывающийся на высоте, доступной только мистически настроенному человеку.

В силу тех больших прав на уважение и почтение, прав, которые предъявляет вера, мы должны чутко реагировать на истинную ее подкладку. И в том случае, когда она подогревается низкими побуждениями или оставляет человека пустым внутри, будучи воспалена где-то на поверхности психики, не только почтения оказывать нельзя, но всеми силами следует положить конец этому глумлению над чудом человеческой души - способностью верить.

Затем, какова бы ни была вера – искренняя или неискренняя – но в силу естественного сцепления слова и дела, хотя бы слово касалось исключительно небесных дел; в силу определенного воздействия религиозных идей на известный круг отношений – мы не можем и не смеем отказаться от своей задачи – выделить из религиозной идеи ее земное зерно, взвесить все ее объективные последствия, осветить и понять все те изменения, которые могли бы быть, если бы данная идея совершила бы свой полный, жизненный круг и вызвала бы те изменения, которые в данной исторической среде объективно ей назначено вызвать, не действуй одновременно с нею другие факторы, парализующие часто деятельность идеи.

Обращаясь к упомянутой статье, я не могу отделаться от впечатления какой-то деланной, словесной религиозности, которою веет от каждой строки автора. Есть очень интересные, хотя и не столь глубокие мысли, встречаются остроумные сопоставления, еще больше пережеванных мест, да и написанных в легком, газетном стиле. Оценку объективного значения некоторых идей я дам ниже, но характеризуя самый дух, пафос статьи, нельзя, к сожалению, не сказать: совершенно не чувствуется огня религиозного убеждения, огня прорывающегося в писаниях даже менее талантливых религиозных людей, нежели автор. Тысячи раз повторяемый «Христос Распятый», неуместное упоминание о таинствах, припутываемых к тому же к слишком, слишком обыкновенным делам, какое-то неумеренное религиозное словоизвержение начетчика – все это говорит за то, что автор чужд простой бесхитростной веры, что вся его религиозность какая-то надуманная и заученная. Автор, по-видимому, ненавидит и правых и левых, он питает отвращение и к погромам, чинимых «патриотами», и к тем нормам борьбы, в которые обреклась борьба левых, его сердцу мил скромный, умеренный либерализм, совершающий свое поступательное движение под покровом государства, опирающегося на право, т.е. не разрушающего своими иксуссами и импульсами правильного хода промышленности и торговли, непрерывного оборота и роста капитала. И вот для защиты этих идей и для дискредитированных врагов «справа и слева» воздвигается сложное и хитрое здание с помощью славянофильства наскоро обмундировывают идею о религиозном призвании России, слишком внешне овладевают словесным арсеналом мистики; главные очертания скопированы, детали исправлены применительно к месту и времени и вот – «содрогайтесь язычники!» Религиозный человек бескорыстно делает свое дело и наивно уверен, что его дело касается только небесной нужды, с землей он не связывает никаких планов. Земля же, вследствие непонятной религиозным людям логики, сама уже реализует земное значение его идей. Наш автор и его сподвижники действуют как раз обратно: они очень хорошо прислушиваются к голосам земли, в особенности к голосу той группы, которая стоит за их спиной и чей эгоизм и аппетиты заменяют им возвышенный момент мистического общения с божеством у религиозных людей. В наше время они уже не Дон Кихоты религиозности. Дон Кихот прост и детски верующ. Поэтому он вызывает печальную улыбку, любовную жалость к себе. Нет! Эти

люди нарочито не видят религиозный нигилизм у тех, кто им любезен и нападают за тот же нигилизм на тех, кто стоит им на дороге; в угоду временным и преходящим моментам общественной борьбы они связывают со всех сторон все заблуждения средневековья, возвеличивают в идеал тупость и покорность раба, благословляют карающую руку, падают ниц перед победоносным движением реакции. Это не пророки, а адвокаты капитала со всеми присущими этой профессии темными сторонами.

Теперь следует остановить внимание на объективное значение идей, развиваемых Бердяевым в статье. Все выводы, сделанные мной ранее, как нельзя лучше подтверждаются при обозрении того синтеза, который им суждено произвести. И тут же должна быть отмечена одна черта, отличающая эту группу литераторов: необыкновенная легкость, с которой они реставрируют осужденные навек заблуждения, которые празднуют реакцию против факторов, уничтоживших их в определенном слое русского общества. Но раньше изложу вкратце содержание статьи.

Национальная идея всегда была связана с православием и христианством. Она всегда указывала на исключительное призвание русского народа в мире. По самому свойству своему «это идея мистическая, а не позитивно рациональная. Русская идея близка и понятна лишь мистикам, она не понятна и не нужна рационалистам, позитивистам и нигилистам». С такой точки зрения современный национализм, царящий в Думе, на страницах некоторых газет, в бюрократичных канцеляриях есть результат атеизма и нигилизма. «Национализм есть идеология скептиков и циников, утерявших веру в Бога и во все религиозные ценности». Вместо Бога живого он поклоняется идолу национальности и государственности. «Национализм глубоко буржуазен не в социальном, а в духовном смысле слова, так же буржуазен, как и космополитизм, - другая форма приспособления». А буржуа – объясняет он выше – это человек, который не верит в иной мир и который слишком занят делами этого мира, человек предающий вечное тленному. Церковь Христову современные националисты пытаются превратить в орудие национальных целей. Чуждые религиозной вере, они стремятся сохранять внешнюю связь с православием, исполняя обряды, предписанные церковью. Другая особенность, присущая этому национализму, это их неверие в мощь, красоту и правоту своего народа. «Наши националисты твердо убеждены, что евреи, поляки, финляндцы и прочие инородцы гораздо сильнее и способнее русских; также убеждены в том, что католичество, сектантство всех оттенков ... гораздо обязательнее, соблазнительнее, чем православие». «Культ слабости, нелюбовь к истинному могуществу характерны и для правых националистов, и для наших левых космополитов, для нашей реакционной власти и для нашей радикальной интеллигенции. С тем же бессилием одни кричат «евреи заели», другие кричат «среда заела», одни всюду разыскивают опасности революции для оправдания своего творческого бессилия, другие для того же всюду разыскивают опасности реакционного правительства».

В заключение этой части статьи следует отметить одну характерную особенность, кладущую своеобразный отпечаток на всю идеологию автора и неожиданно вскрывающую те земные корни, которыми питается автор и те цели, которым он служит своею религиозной проповедью. Я имею в виду разъяснение, которое он дает мимоходом понятию националист. Оказывается, что он имеет в виду только тех националистов, «которые ходят в европейском костюме, называют себя «националистами» и октябристами, пишут в «Новом времени»». Отметим это себе для памяти и перейдем к дальнейшему изложению.

Переходя к другому явлению, связанному с национальным тесными узами, а именно к антисемитизму, автор указывает, что самый распространенный род этого явления – бытовой, расовый антисемитизм. «*Такой* (курсив автора) антисемитизм имеет характер явно не христианский и явно религиозный». Для автора, как верующего

христианина, еврейский вопрос есть вопрос мистический, неразрешимый до конца историей, судьба еврейства рационально необъяснимая и трагическая, которой суждено остаться такой до скончания веков. Националисты-безбожники, считая еврейство низместрости, этим самым нарушают догмат веры, согласно которым евреи, в среде которых воплотился Христос, должны считаться избранным народом Бога. Мессианская идея – это еврейская идея. Но мессианские ожидания еврейства двойственны. «Еврейский народ ждал страстно, напряженно, нетерпеливо явление Христа – Мессии и еврейский же народ ждал и *ждет додыне* (курсив мой – Р.) иного мессию, царя земного, устроителя земного блаженства». «Во имя своего еврейского и антихристианского хилиазма еврейский народ отверг тайну искупления, распял Христа и возненавидел Голгофскую жертву». Иуда – не просто предатель. Он предал во имя национального еврейского хилиазма. Еврейство является в истории носителем антихристианского духа, оно все еще ждет своего мессию и учит отвергать Христа потому, что он не сотворил блаженного царства на земле. «Не даром – говорит автор – духу еврейства так близка социал-демократия, которая есть лишь модернизированная трансформация еврейского ... ожидания мессии, царя земного и земного блаженства без искупительной жертвы». И поэтому еврейство никогда не узнает – по велению Господа – счастья и радости, будет скитальцем до конца веков и вечным соблазном для христиан. В России погромы и несправедливости бесправия ставят даже евреев в морально-привилегированное положение в глазах широких слоев русской интеллигенции и мешают говорить всю правду о еврейском вопросе. Отвергая бытовой, расовый и политический антисемитизм, автор признает, что «для всякого христианина обязателен религиозный антисемитизм. «*Русский народ призван отнестись вдвойне по-христиански к народу еврейскому* (курсив автора). Русский народ ... должен дать приют избранному народу Божьему ... и всей силой духа противиться еврейскому отвержению Христа Распятого, а *еврейскому ожиданию иного мессии* (курсив мой) хотя бы отвергающий и ожидающий не был по крови евреем. Империалисты и социал-демократы в разных формах исповедуют религию еврейского хилиазма. Нововременцы-антисемиты сами – евреи по духу и потому конкурируют с евреями, делят с ними царство земное».